

значение труда земледельца только въ будущемъ, и въ будущемъ весьма неблизкомъ. Какое добро можно сдѣлать человѣку, „сѣ. кѣмъ сейчасъ сошелся“, копаниемъ; напримѣръ, грядокъ, самымъ посѣвомъ зерна? Не лучше ли отдать эти зерна тому, „сѣ. кѣмъ сейчасъ сошелся“, чѣмъ бросать ихъ въ землю для тѣхъ, съ кѣмъ, можетъ быть, и не увидишься никогда?... Такъ все смутно у гр. Л. Н. Толстого, когда онъ вступаетъ въ неизвестную ему сферу разсужденія. А между тѣмъ, состояніе огромнаго большинства интеллигентнаго общества,—которое сбито съ толку, не знаетъ, куда итти, зачѣмъ жить, потеряло сознаніе смысла и цѣли существованія,—и тотъ громадный авторитетъ великаго писателя земли русской, которымъ Толстой пользуется въ средѣ этого общества, обязываетъ Толстого учить и помочь обществу выйти изъ невыносимаго состоянія. Толстой и учить, много учить, учить уже давно, но состояніе общества не только не измѣняется къ лучшему, а становится все хуже, несмотря на то, что каждое слово Толстого принимается съ жадностью; явилась даже цѣлая секта Толстовцевъ, которые хотѣли осуществить его ученіе на дѣлѣ, въ жизни, основали цѣлыя колоніи; но все это пошло прахомъ и не образумило Толстого.

Потеря сознанія цѣли и смысла жизни ведетъ къ такимъ фактамъ, какъ извѣстный намъ,—подобный многимъ нынѣ совершающимся,—фактъ самоубіства одной молодой женщины, выстрѣлившей предъ самоубіствомъ въ свою дочку. Застрѣлившаяся молодая женщина получила современное образованіе, которое ведетъ къ признанію человѣка существомъ жалкимъ, предназначеннымъ къ неизбѣжной гибели, смерти, безъ всякой будущности, какъ и міръ весь необходимо долженъ погибнуть; она была знакома съ произведеніями Ницше и, конечно уже, прочла все, написанное Толстымъ. Неудачи въ жизни и потеря надежды, когда либо устроить свое благополучіе, привели ее къ убѣждению, что ни ей, ни дочери ея, которую она горячо любила, нечего ждать отъ жизни, кромѣ горя и страданій; убѣжденная, что жизнь сама по себѣ никакой цѣли, ни смысла не имѣть и имѣть не можетъ, она и рѣшилась и себя и любимую дочь свою избавить отъ бесплодныхъ горя и страданій. Говорятъ, что она поступила такъ подъ вліяніемъ психического разстройства. Пожалуй это и вѣрно, если признать, что убѣженіе въ безцѣльности и безсмысленности существованія есть плодъ психического разстройства. Но въ такомъ случаѣ всѣ, такъ называемые, интеллигенты, вкушившіе отъ современаго образованія, всѣ, почти поголовно, психически разстроены, такъ какъ почти всѣ убѣждены, что все кончается смертью и будущности нѣтъ для умершаго. Придя же къ такому убѣждению, строгая послѣдовательность мысли требуетъ,—урвать все возможное отъ жизни, а затѣмъ, когда больше ждать уже нечего, что можетъ мѣшать намъ покончить съ собою? Въ справедливости, въ вѣрности такого рѣшенія убѣждаютъ столь нынѣ прославленные Шопенгаэръ, Гартманъ, Ницше и нашъ Толстой, который въ 1899 году въ одномъ разговорѣ (см. газету *Асхабадъ*, 1899 года № 285-й) такъ выразился: „Вотъ я стою одною ногою въ гробу, и всетаки скажу, что смерть вещь не дурная“. То же убѣженіе высказываетъ ся имъ и въ тѣхъ двухъ сказкахъ, разборъ которыхъ составляетъ предметъ настоящей статьи,—нужно только вдуматься въ содержаніе ихъ. Въ опро-